

УДК 94(47).084.9+343.37

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 1950-Х ГГ. КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОВСЕДНЕВ- НОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА¹

А. Д. Попова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
г. Рязань, Россия

В статье анализируются экономические преступления 1950-х гг. как отражение процесса нарастания кризисных явлений в советской экономике. Автор использовал документы МВД, которые зафиксировали факты вскрытия хищений в ряде городов СССР и отражали механизмы их совершения (рапорты должностных лиц, оперативные обзоры). Показано, что экономическая преступность в указанный период ярко отражала зарождающиеся кризисные явления в СССР. Анализ исторических документов позволил автору выявить ряд способов совершения экономических преступлений, порожденных плановой экономикой: завышение цен на дефицитные товары, нарушение технологии производства с целью получения излишек сырья, реализация товара на сторону под прикрытием фиктивных накладных. В статье делается вывод о влиянии этих чисто советских способов совершения экономических хищений на ментальные установки советского общества: восприятие хищений как обыденного явления, которое не является нарушением общепризнанных норм.

Ключевые слова: экономические преступления, плановая экономика, хищения, ментальность, дефицит.

Любое общество представляет собой сложную взаимосвязанную систему, в которой поведение одних элементов отражает состояние других. Не исключением является преступность, её проявление и механизмы совершения преступлений также отражают специфику политической и экономической системы. Особенно это касается экономической преступности, которая является продолжением сложившихся экономических отношений. Это довольно ярко отражает история развития советской экономики, каждый из этапов которой отмечался своими специфичными видами экономических правонарушений. Период гражданской войны и военного коммунизма породил «мещочничество». Переход к новой экономической политике пополнил криминальную статистику преступлениями в налоговой

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18-09-00130)

сфере². В годы Великой Отечественной войны государство было вынуждено перейти на очень жёсткое фиксированное распределение продуктов, то есть ввести карточную систему, и правоохранительным органам пришлось выявлять и пресекать деятельность изготовителей фальшивых карточек³.

Представляется важным исследовать специфику экономических преступлений 1950-х гг. и показать их как отражение состояния экономики на соответствующий период. Данный вопрос актуален и в свете исследования специфики развития экономических отношений в современные дни, в том числе и в контексте формирования рыночных отношений: груз прошлого в той или иной степени может проявляться достаточно долго. К таким проявлениям может относиться существование тех или иных ментальных установок, которые, как известно, довольно статичны и оказывают существенное влияние на поведение людей.

Следует отметить, что выбранный период является знаковым для развития советской экономики. Страна уже пережила трудный этап восстановления народного хозяйства после войны, были отменены карточки, росла покупательная способность населения. Исследователь Г. И. Ханин считает, что восстановление экономики в СССР происходило даже более быстрыми темпами, чем в других странах⁴. Однако это восстановление имело свою специфику: активно использовались именно советские рычаги решения экономических задач, в том числе происходило выкачивание средств из сельского хозяйства. Нельзя отрицать, что опережение других стран произошло за счет использования некоторых специфических черт «азиатского» способа производства: поддержание низкого жизненного уровня населения, использование в колоссальных масштабах подневольного труда⁵. В истории решение экономических задач подобным образом получило название «мобилизационной экономики»⁶.

² Богданов С.В. Власть и экономическая преступность в Советской России (1917-1941 гг.) // Историко-экономические исследования. 2012. Т. 13. № 2–3. С. 7–22.

Bogdanov S.V., *Vlast' i e'konomicheskaya prestupnost' v Sovetskoj Rossii (1917–1941 gg.)*, *Istoriko-e'konomicheskie issledovaniya*, 2012, T. 13, № 2–3, S. 7–22.

³ Федин С.А. Противодействие правоохранительных органов Нижнего Поволжья преступлениям, вызванных карточной системой и денежной реформой 1947 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 1. С. 103–107.

Fedin S.A., *Protivodejstvie pravooxranitel'ny'x organov Nizhnego Povolzh'ya prestupleniyam, vyzvanny'x kartochnoj sistemoj i denezhnoj reformoj 1947 g.*, *Gumanitarny'e i social'no-e'konomicheskie nauki*, 2012, № 1, S. 103–107.

⁴ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 82.

Khanin G.I., *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya*, Novosibirsk, 2008, T. 1, S. 82.

⁵ Ханин Г.И. Указ. соч., С. 120.

Khanin G.I., *Op. cit.*, S. 120.

⁶ Кондрашин В. В., Сухова О. А. Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // Новейшая история России. 2019. № 4. С. 979–992.

Результативность такого успеха была относительной. По словам Г. И. Ханина, это был конец сталинского экономического чуда⁷. Потенциал экономического прорыва, который страна совершила в период индустриализации, был исчерпан. Командно-административные методы, проявившие свою эффективность в чрезвычайных условиях военного времени, уже перестали работать. Продолжала сохраняться милитаризация экономики. По объёму производства гражданского назначения СССР отставал от США в 4–5 раз, а на душу населения – ещё больше⁸. В производстве преобладала «группа А» и её перевес стал усиливаться. Как выразился Г. И. Ханин, «Производство всё больше работало само на себя»⁹.

Соответственно более ярко стали проступать в негативном плане особенности советской плановой экономики. Отсутствие частной собственности порождало не только отсутствие конкуренции, но и необходимости бороться за покупательский спрос. Поэтому производитель мог не переживать за качество выпускаемых товаров, так как зарплата всё равно будет выплачена, её начисление никак не связано с реализацией выпускаемой продукции.

Плановая экономика никак не успевала за потребностями людей. Если в капиталистических странах рынок быстро заставляет производителя наладить спрос на товар, который вызывает повышенный интерес покупателя, то при плановой экономике потребителям приходилось долго ждать, когда нужный товар преодолит бюрократические препоны и, наконец, займёт своё место на конвейере. Всё это порождало очень специфические последствия, с которыми сталкивались только советские граждане. Даже в странах, которые после Второй мировой войны последовали по социалистическому пути, они проявлялись меньше, так как там сохранялись элементы рыночной экономики. И одним из наиболее ярких плодов плановой экономики стал дефицит промышленных и продовольственных товаров. С повышением жизненного уровня в начале 1950-х гг. это явление уже начало давать о себе знать, нарастая с каждым годом всё больше и больше, превращаясь в очень яркую черту советской повседневности, нашедшую отражение в произведениях искусства, народном фольклоре и языке. Неслучайно глагол «купить» стал заменяться словом «достать», а вместо «продали» использовали «выбросили»¹⁰.

Kondrashin V. V., Suhova O. A., *Kolhoznaya sistema kak osnovnoj resurs mobilizacionnoj e'konomiki SSSR v 1930-x – 1950-x gg.* Novejshaya istoriya Rossii, 2019, № 4, S. 979–992.

⁷ Ханин Г.И. Указ. соч. С. 174.

Khanin G.I., *Op. cit.*, S. 174.

⁸ Кудров В.М. Нужно ли ностальгировать по СССР? // *Общественные науки и современность.* 2015. № 5. С. 74.

Kudrov V.M., *Nuzhno li nostalg'irovat` po SSSR? Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*, 2015, № 5, S. 74.

⁹ Ханин Г.И. Указ. соч. С. 160.

Khanin G.I., *Op. cit.*, S. 160.

¹⁰ Зарубина Н.Н. Практика питания россиян в повседневном смеховом дискурсе // *Общественные науки и современность.* 2019. № 4. С. 109–120.

Данное обстоятельство оставило заметный след в формировании ментальных установок советских граждан. С одной стороны, постоянная потребность «ловить» и «доставать» необходимые товары сделали такую ситуацию вполне привычной и сам дефицит как таковой не воспринимался как нечто ненормальное. Он превратился в привычную обыденность. С другой стороны, дефицитные вещи становились не только способом удовлетворения бытовых нужд, а своеобразным мерилom престижа или принадлежности к элите. Хрусталь, ковры, даже книги иногда покупали именно ради демонстрации своего социального статуса.

Всё это создавало весьма специфические способы совершения экономических преступлений. Одним из них наиболее простым была продажа дефицитных товаров по завышенным ценам. Граждане, желая приобрести возделенный предмет, не очень задумывались о его цене. Мало кому приходило в голову истребовать накладные. Особенно успешно удавалось это «прокручивать», если товар реализовывался не в помещении магазина, а на улице, на лотках. Однако у некоторых деятелей хватало наглости предлагать товар по завышенной цене прямо в магазине. Осенью 1952 г. в Харькове была пресечена деятельность преступной группы, которая сбывала швейные изделия по завышенным ценам. Так дамские плюшевые жакеты, стоимость которых составляла 340 руб., продавались за 500. Мужские и женские костюмы продавались не за 347–372 рубля, а за 525 руб. Доход от этого получали и работники базы «Главшвейсбыта» (часть денег шла им за отпуск дефицитных товаров), часть работников магазинов торгового центра «Харьководожеда»¹¹.

Дефицит создавал условия и для другого способа незаконного обогащения: выпуск «левой», то есть неучтенной продукции на государственном оборудовании из государственного сырья. Каждое государственное предприятие получало план, т.е. заказ государства на определенный объем продукции. Однако многие предприятия реально могли выпускать больше, чем им дало заказ государство. Иногда находилась возможность оптимизировать производство и выпускать продукции больше, чем предусматривалось по плану. Иногда рабочих просто подбивали оставаться после смены и работать за дополнительную плату. Самым главным вопросом в этих машинациях был поиск сырья для выпуска дополнительной продукции. Этот вопрос решался по-разному. Иногда находились способы получить его дополнительно (чаще за взятки тем, кто был ответственен за отпуск сырья) или иногда получалось сэкономить сырьё, которое предприятию отпускалось официально. Порой дополнительное сырьё просто банально воровали, прикрывая нехватку фиктивными документами. Иногда вполне пригодное сырьё списывали в брак, чтобы его пустить на выпуск нелегальной продукции.

Zarubina N.N., *Praktika pitaniya rossiyan v povsednevnom smexovom diskurse*, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2019, № 4, S. 109–120.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Р-9415. Оп. 3. Д. 244. Л. 124.

State Archive of Russian Federation (GA RF), R-9415, Op. 3, D. 244, L. 124.

В конце 1950-х гг. в Одессе возникло два подобных дела. Внимание работников ОБХСС привлек местный промтоварный рынок, на котором стали появляться в большом количестве заготовки для обуви, продаваемые по спекулятивной цене. В то время не только на саму обувь, но и на заготовки для неё был спрос, так как ещё не была ликвидирована деятельность частных мастеров (портных, сапожников), которые имели ещё возможность работать легально. Государство пока не могло решить вопрос с организацией сферы быта, поэтому мирилось с деятельностью частников. Работники милиции провели на рынке задержания лиц, которые предлагали покупателям обувные подметки. Показания их были довольно разнообразные. Один писал в объяснении, что изготовил подметки сам, другой, что купил у случайного знакомого на «Привоze», третий клялся, что нашёл. Однако экспертиза установила, что все изъятые подметки были изготовлены фабричным способом. Это привело сотрудников ОБХСС к проходной модельно-обувной фабрики на улице Свердлова. После двух недель работы удалось установить, что организатором потока дефицитных подметок был старший мастер с говорящей фамилией Портной. Придя на фабрику, он развернул кипучую деятельность: серьёзно принялся за укрепление дисциплины, стал увольнять лодырей и бездельников. Такое рвение было продиктовано не заботами о благе трудящихся, для которых предназначалась продукция фабрики. С одной стороны, старший мастер был уверен, что к передовикам производства интерес контролирующих органов будет меньше. С другой стороны, для его целей ему нужны были и в самом деле хорошие работники, именно они смогут из того же заготовленного материала «вырубать» на 2–3 пары подметок больше, чем предусмотрено нормативами, которые потом реализовывались на промтоварном рынке¹².

На аналогичной базе возникло и «капроновое» дело. Прорыв химической промышленности создал новые соблазны для модниц – вещи из капрона. Ажурная капроновая блузка была мечтой каждой женщины. Поэтому промкомбинат в Одессе взялся за выпуск этого дефицита. В бывшем пластмассовом цехе стали выпускать блузки стоимостью 150 руб. и капронового женского белья по 200 руб. за гарнитур (цены указаны старые, до реформенные). У работников ОБХСС возникло подозрение, что новый товар стал предметом преступных махинаций. Подозрительным было и то, что работники предприятия после смены надолго оставались на своих рабочих местах. Понятно, что этого можно было добиться только за дополнительную плату. Образ жизни некоторых сотрудников цеха тоже наводил на определённые мысли. Мастер цеха Рабинер редко бывал на рабочем месте, зато часто посещал магазины, как в центре, так и на Пересыпе и Фонтане, при этом жил явно не по средствам: за вечер мог «просадить» в ресторане месячную зарплату. С размахом жил и начальник цеха Шафир.

¹² Рутковский В. Высшая мера доверия // Такая служба. Очерки о работниках милиции Одесской области. Одесса, 1982. С. 91.

Rutkovskij V., *Vysshaya mera doveriya*, Takaya sluzhba. Ocherki o robotnikakh milicii Odesskoj oblasti, Odessa, 1982, S. 91.

Подозрение вызвали и некоторые другие работники цеха, от них шли переводы очень солидных сумм работнику союзного учреждению Юрию Гобису – специалисту по созданию нейлоновых цехов. Некоторое время работники милиции не могли понять механизм вывоза «левой» продукции: все подозреваемые выходили с фабрики с пустыми руками, пока не проследили за еще одним работником – Рудином. Он в рабочее время по несколько раз за день заходил в промтоварные магазины и заглядывал в подсобные помещения. Для сотрудников ОБХСС было очевидно, что эти визиты имеют цель доставить «левую» продукцию в точки сбыта, но не могли понять, как это осуществлялось, так как Рудин тоже выходил с предприятия и заходил в магазины с пустыми руками. Пока не провели элементарную проверку: в общественном транспорте, который традиционно был переполнен, к нему не просто подошли вплотную, но даже прижались и ощутили буквально кожей шелестящие пакеты. Опытным путём установили, что так на себе можно вынести до 10–15 блузок. Нанесение специальной метки на этикетках товара позволило доказать, что реально в продажу поступило блузок намного больше, чем было указано в накладных¹³.

В 1952 г. в Москве на знаменитой фабрике «Большевичка» была задержана группа руководителей предприятия, включая директора, главного инженера, начальника закройного цеха. Они занимались хищением ткани путём фальсификации закройных ордеров, в которых завышался расход ткани. Таким образом, создавался излишек ткани, из которого на фабрике шили костюмы. Только в 1952 г. было пошито 1500 швейных изделий по заказу разных лиц. Результатами незаконной деятельности пользовались и высокопоставленные сотрудники Министерства легкой промышленности¹⁴.

Если возможности получить дополнительное сырьё для выпуска сверхплановой продукции не находились, то придумывались усовершенствования в технологическом процессе, чтобы получить больше товара, чем предусмотрено технологией. При этом качество товара снижалось. Неслучайно в советском фольклоре глагол «выбросили» обыгрывался многогранно. Согласно версии анекдота иностранец, увидев товар, который «выбросили» советскому покупателю, кивает головой: «У нас такое тоже выбрасывают»¹⁵. Однако дефицит заставлял потребителя особо не капризничать.

Документы зафиксировали множество подобного обогащения. Так в городе Москва в артели «Маяк» в феврале 1953 г. были вскрыты хищения. При изготовлении нафталина и порошка «Дуст» добавляли дешёвые схожие по цвету порошки: мел, тальк, поваренную соль. Добавления доходили до 35 %¹⁶.

¹³ Рутковский В. Указ. соч. С. 89.

Rutkovskij V., *Op. cit.*, S. 89.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 244. Л. 141.

GA RF, F. R-9415, Op. 3, D. 244, L. 141.

¹⁵ Зарубина Н.Н. Указ. соч., С. 114.

Zarubina N.N., *Op. cit.*, S. 114.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 253. Л. 52.

GA RF, F. R-9415, Op. 3, D. 253, L. 52.

Ориентировка МВД 1954 г. подробно рассматривала ещё целый ряд способов осуществления аналогичных хищений на предприятиях. Там указывался один довольно типичный способ этого рода. Начальник резино-плетельного цеха артели «Универсалпром» Абрамович и его сестра Шнейдерман – мастер цеха той же артели – за счёт уменьшения расхода резиновой жилки на каждый метр готовой бельевой резиновой ленты (вместо 3,8 грамма на метр по норме они расходовали не более 2,5 грамма) ежемесячно изготавливали и похищали до 100 000 метров такой ленты. Похищенную резиновую ленту сбывали заведующему палаткой «Мосторга» Гозенбергу по 70 копеек за метр, а последний продавал её населению за 1 руб. 10 коп. Таким образом, каждый месяц Абрамович и Шнейдерман наживались на 50–70 тыс. руб. Конечно, качество бельевой резинки ухудшалось и, наверное, ни один десяток хозяек потом сокрушались, что вставленная в швейное изделие резинка очень быстро пришла в негодность.

Резина вообще давала «благоприятные» возможности для подобных операций. Одним из распространённых изделий из неё была обувь: наш климат в совокупности с плохими дорогами, большая популярность среди населения охоты и рыбалки (которые просто элементарно кормили людей) неизменно делали актуальным изготовление бот, сапог и пр. Основным сырьём для этих изделий являются резина и каучук. Некоторые мастера вносили в технологию отдельные изменения: уменьшали толщину изделия, в результате сырья на одну единицу изделия тратилось меньше¹⁷.

Страдали покупатели и швейных изделий. Весной 1953 г. Управление милиции УМВД Винницкой области арестовало группу работников сразу трех швейных фабрик (Тульчинской, Браиловской и Хмельницкой). Среди арестованных значились директора фабрик, главбухи, начальники отделов снабжения. На этих предприятиях активно осуществлялась «экономия» ткани, которая достигалась очень простым способом: размеры изделий банально указывались неправильно. Обычно покупатели не очень задумывались, почему пришлось купить пальто или платье не своего размера¹⁸. Правда, в данном случае «левые» изделия не изготавливались. В нелегальную торговлю шли сами ткани, которые вывозились прикрытыми швейными изделиями, но и на ткани всегда был спрос в магазинах. Для их реализации выбирались магазины, работающие без касс, продавцы даже не знали, что продают «левый» товар. Если у ревизоров и возникали вопросы, то после некоторых подношений в виде швейных изделий или банальных конвертов, они снимались. Данный эпизод показывает зарождение ещё одной негативной тенденции в эволюции советского общества: формирование элиты, которая или была неприкасаемой в силу своих возможностей поставлять дефицит, или имела власть по отношению к теневым дельцам и этой властью пользовалась без стеснений.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 253. Л. 48.

GA RF, F. R-9415, Op. 3, D. 253, L. L. 48.

¹⁸ Там же. Д. 244. Л. 238.

Ibid, D. 244, L. 238.

Нечистоплотные операции осуществлялись и с продуктовыми товарами. Особенно много возможностей давали жидкие продукты, продаваемые в разлив. Их можно было разводить водой, что и производилось с различными товарами. Интересные примеры содержатся в справке МВД по Красноярскому краю за 1954 г. и за январь и февраль 1955 г.

В марте 1951 г. в городе Красноярск был открыт фирменный магазин системы «Главвино» с подчинением Новосибирской базе Ташкентского комбината шампанских вин, которая и должна была поставлять названному магазину виноводочные изделия. Директором магазина был назначен Долидзе. Ему разрешалось по штату иметь продавца и уборщицу, получать в свой подотчет от Новосибирской базы виноградные вина и представлять ежегодные товарные отчеты в город Новосибирск.

Будучи «квалифицированным» дельцом (до революции владел гостиницами и уже был судим за хищения), имея большие торговые связи, Долидзе получал от разных заводов Советского Союза вино в бочках и для их расфасовки открыл нелегальный цех по разливу вина¹⁹. Вместо одного магазина Долидзе открыл целую сеть магазинов: три магазина в Красноярске, два в Игарке, два в городе Дудинке и один в городе Норильске. В каждом содержал штат 2–3 человека, плюс привлекал 15 человек для работы в цехе по разливу вина.

Всем этим лицам выплачивалась зарплата без официально оформления на работу за счёт похищенных средств. Долидзе использовал целый букет приёмов, которые позволяли набивать ему карман, обманывая покупателей. Во время разлива вина по бутылкам не доливалось от 5 до 50 грамм, также вино элементарно разбавляли водой, доводили крепость до 13 или 9 градусов вместо положенных 18 градусов. Это создавало «излишки» вина, которые реализовывались в указанных магазинах, а средства присваивались.

Использовал Долидзе и пересортицу: он и его бухгалтер Давыдов в типографии «Красноярский рабочий» изготовили 150 тысяч экземпляров этикеток на самый дорогой коньяк 5 звездочек, кагор и белый портвейн. Эти этикетки наклеивались на бутылки с менее дорогими напитками. Коньяк 3 звездочки продавался как 5-звездочный, молдавское красное продавалось как кагор. Понятно, что разница в стоимости между товарами разных сортов шла в карман Долидзе и его сообщников. Уже одна комбинация с этикетками дала возможность присвоить 147430 руб., за счёт других комбинаций – 906328 руб.

Некоторое время эти операции удавалось скрывать за счёт изготовления фиктивных счетов и фактур, бухгалтер просто уничтожал оригиналы и оформлял новые за теми же номерами и датой, поддельывая подписи получателей, при этом суммы завышались, качество товара указывалось выше. Всё это позволило похитить у государства средств более, чем на 2 млн руб.²⁰

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3 Д. 1096. Л. 188.

GA RF, F. R-9415, Op. 3, D. 1096, L. 188.

²⁰ Там же. Л. 189.

Ibid, L. 189.

Естественно, что подобные операции фиксировались по отношению и к самому народному напитку – пиву, которое в те годы даже не рассматривался как алкогольный напиток и продавался в разлив. Ориентировка от 30 апреля 1954 г. приводит один типичный пример. Заведующий Красноуфимской пивной базы Свердловской области Фофанов из каждой бочки пива, полученной от Казахского пивзавода, отливал одно ведро пива и доливал воду. Созданные таким путём «излишки» он реализовывал через продавцов розничной сети²¹.

В целом все эти способы увеличить массу продаваемого товара путём ухудшения его качества отразились на ментальности советских людей. Невысокое качество товара не воспринималось с осуждением, эта была данность, к которой привыкли. Многие стремились купить импортные товаровые магазины, нередко за них с готовностью переплачивали, опять воспринимая это как привычную черту советского быта. Деятельность спекулянтов и фарцовщиков не осуждалась. В народном сознании они были не правонарушителями, а полезными людьми. Также как данность воспринималась традиция советской торговли разбавлять всё, что можно разбавить (молоко, сметану, пиво, квас). Опять же это не осуждалось, а скорее вызывало зависть. Более того многие стремились именно на такую работу, где была возможность это делать. Подобные места назывались «хлебными», опять же мерилom престижности была работа, открывающая такие возможности.

Однако такие места предоставлялись не просто так. Продавцы наиболее востребованных товаров, продаваемых в разлив, сами должны были платить за получение дефицитного и востребованного товара. Поэтому летом, когда на пиво был большой спрос, чтобы получить его в розничную торговлю, необходимо было платить определённую мзду заводу, чтобы этот товар отпустили по таксе от 20 руб. за каждый литр отпущенного пива, что потом компенсировалось недоливом или разбавлением водой²².

Кроме этих использовались и другие способы хищения. Например, довольно типичным был сбыт товаров по фиктивным накладным. В Красноярском крае в 1954 г. были вскрыты хищения со складов и из магазинов военторга. Группа работников военторга реализовывала со склада промышленные и продовольственные товары, а средства присваивали. Так, в 1952 г. работники военторга похитили курительную махорку и бумагу, растительное масло и рыбу на 36383 руб. Все доставили на склад, заведующие магазинов выписали фиктивные фактуры и создали тем самым «излишки»²³.

Работникам милиции Узбекской ССР в 1953 г. удалось пресечь деятельность группы в составе 48 человек, которые наживались на заготовке

²¹ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 253. Л. 82.

GA RF, F. R-9415, Op. 3, D. 253. L. 82.

²² Там же. Л. 84.

Ibid, L. 84.

²³ Там же. Д. 1096. Л. 201.

Ibid, D. 1096, L. 201.

сухофруктов. В накладных ими завышалась фактическая стоимость сухофруктов на 2–3, а то и на 5 руб. за каждый килограмм. Так как в Узбекистане было запрещено заготавливать сухофрукты, то по закупочным документам получалось, что фрукты приходили из Киргизии. При этом фамилии людей, у которых якобы они покупались, просто выдумывались²⁴.

Не менее нахально действовал в шахтуправлении «Бурые угли» в Днепропетровской области заместитель начальника по хозяйству Заец и заведующий лесным складом Хивренко. Совместно они наладили реализацию лесоматериалов колхозам. Товар отпускался колхозам за наличные деньги. Однако документы, которые должны были оформляться при этих сделках, не проводились через бухгалтерию, а просто уничтожались, а вырученные средства присваивались²⁵. Примерно также «работала» преступная схема на Ворошиловградском пивоваренном заводе. Организатором являлся главный бухгалтер завода, а всего по делу было привлечено 36 человек. Следствие установило, что преступная группа по договоренности с заведующим розничной торговли сети Горпищторга треста столовых и работниками торговой сети изготавливали фиктивные накладные на якобы принятую от них стеклотару (бутылки), которые потом списывались в бой²⁶.

Дефицит продуктовых и промышленных товаров порождал и новые способы совершения мошенничества. Мошенники втирались в доверие граждан, убеждали их в том, что они имеют возможности «достать» дефицитные товары, брали плату и скрывались. Это касалось как повседневных вещей, так и предметов роскоши. Очень типичный эпизод описывает в своих мемуарах сотрудник одесского уголовного розыска Давид Михайлович Курлянд. После войны во многих городах наблюдался жилищный кризис – не хватало жилья. Особенно это касалось городов, которые были местом боевых действий и сильно пострадали от них. С целью смягчения этой проблемы городские власти разрешали вести на окраинах города индивидуальную застройку. Такой способ решения жилищной проблемы активно использовался и в Одессе. Однако граждане столкнулись с проблемой нехватки стройматериалов. Этим пользовались мошенники: представляясь дельцами, которые имеют связи и могут доставать дефицитные товары, они предлагали людям помочь приобрести нужные материалы: доски, шифер, готовые рамы. Естественно граждане с радостью принимали подобные предложения, отдавали деньги, но товары так и не получали²⁷.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 244. Л. 299.

GA RF, F. R-9415, Op. 3, D. 244, L. 299.

²⁵ Там же. Д. 1096. Л. 28.

Ibid, D. 1096, L. 28.

²⁶ Там же. Л. 48.

Ibid, L. 48.

²⁷ Курлянд Д.М. Воспоминание ветерана уголовного розыска города-героя Одесса //Из фондов музея истории Одесской милиции. Л. 170.

Kurlyand D.M., *Vospominanie veterana ugolovnogo rozy'ska goroda-geroya Odessa*, Iz fondov muzeya istorii Odesskoj milicii, L. 170.

Естественно, ассортимент товара, который предлагали «достать» мошенники одними стройматериалами не ограничивался. В качестве приманки выступали продукты, одежда, обувь, бытовая техника. Схемы придумывались простые и сложные, но везде требовался артистизм, фантазия и дефицит. В комбинат «Удмуртлес» пришла незнакомка (в то время во многие предприятия можно было зайти просто так с улицы). Женщина попросила разрешения позвонить. Разговор незнакомки с абонентом заинтересовал работниц «Удмуртлес»:

«– Алло, Аня, это ты? Здравствуй, дорогая! Что же ты не приходишь? Поступили японские кофточки. Что? Плохо слышно... Придешь сегодня? Приходи. Несколько штук найду».

Японские кофточки были страшным дефицитом, мечтой любой женщины, и эта «мечта» продается рядом в универмаге! Это следовало из двух простых фактов – рядом и в самом деле находился большой универмаг, из-под пальто женщины выглядывало форменное платье, в котором обычно работают продавцы. Соответственно незнакомка и есть работница этого универмага, и она имеет доступ к этому дефициту. И женщины не выдержали: вначале одна, а потом и другие бросились с кошельками и просьбами принести им вожделенный товар. Собрав значительную сумму, незнакомка скрылась, только через несколько недель её удалось задержать за пределами Удмуртии²⁸.

Таким образом, состояние экономической преступности в 1950-е гг. отражает процессы, которые происходили в экономической жизни страны. Следует согласиться с выводом историка Л.А. Крушановой, которая подчеркивала: «Экономическая преступность тех лет была обусловлена появлением первых признаков неспособности советской плановой экономики функционировать в заданных ей правовых рамках»²⁹. Резервы командно-административной системы уже были исчерпаны, методы мобилизационной экономики перестали срабатывать. Это порождало такое уродливое явление как дефицит промышленных и продовольственных товаров, что в свою очередь создавало условия для других патологических явлений, в том числе и специфических экономических преступлений, которые не встречаются в условиях рынка: хищения товаров, выпуска «левой» продукции. В исследуемый период данные явления стали прорастать как серьёзный симптом нарастающего кризиса всей политической и экономической систем. В стране не просто вырастет теневая экономика, но ещё больший размах начнут приобретать целый ряд других негативных явлений – кумовство, формирование торговой и партийной элиты, социальное расслоение

²⁸ Косицын А.П., Мулукаев Р.С. Советская милиция: история и современность. М., 1987. С. 225.

Kosicyn A.P., Mulukaev R.S., *Sovetskaya miliciya: istoriya i sovremennost'*, М., 1987, S. 225.

²⁹ Крушанова Л.А. Особенности экономической преступности в Приморском крае в середине 1950-60-х годов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2001. № 2. С. 88.

Krushanova L.A., *Osobennosti ekonomicheskoy prestupnosti v Primorskom krae v seredine 1950-60-x godov*, Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya, 2001, № 2, S. 88.

ние, которые в конечном итоге и приведут к краху советского строй в конце XX в. Как отмечает В. М. Кудрова, «отсутствие рыночной и предпринимательской среды изначально загоняло советскую экономику с исторический тупик»³⁰.

Специфика советской экономики и порождённые ей формы экономических преступлений оказали влияние на ментальные установки советских граждан. Исследователь советской повседневности для оценки явлений действительности Н. Лебина предлагает использовать дихотомию «норма/аномалия»³¹. И в этом контексте восприятие экономических преступлений ярко демонстрирует такой феномен отечественного сознания как смещение представлений о норме и аномалиях. Аномалии стали восприниматься нормой. Дефицит и необходимость «доставать» товары перестали считаться аномальными, а перешли в разряд нормы. На современных Интернет-площадках, различных форумах (ЯндексДзен, форум «ЛедиМайл») регулярно возникают дискуссии о преимуществах и недостатках советского строя. Очень многие, восхваляющие эти времена, не отрицают наличия дефицита, однако не считают это ненормальным (*«Импортные вещи и деликатесы доставали через знакомых. Они были практически у всех»; «С тряпками было как раз супер – чаще приобретала шмотки в командировках по стране, в отпуске или столице»*). Из приведённых цитат видно, что не вызывает смущения стремление людей приобрести именно импортные товары, которые по качеству превосходили отечественные.

Не вызывает осуждения использование государственных возможностей для изготовления левого товара или элементарное воровство государственной собственности. «Нести» с предприятия считалось нормальным, именно наличие такой возможности часто было решающим в выборе профессии или места работы. Именно наличие таких возможностей очень часто вызывает у современников ностальгию по СССР (*«Если не пить, то можно жить богато, приворовывая на производстве и делая халтуру в рабочее время»*). И, как отмечает исследователь Д. В. Маслов, это очень ярко проявилось в работе первых частных предприятий в период перестройки: «хищения в качестве таковых виновными практически не воспринимались». Автор очень ярко и образно передает логику советского человека: «Зарплата – это пособие на жизнь, а рабочее место – это место “кормления”»³². К сожалению, многие эти ментальные установки живы по сей

³⁰ Кудров В.М. Указ. соч. С. 77.

Kudrov V.M., *Op. cit.*, S. 77.

³¹ Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 7.

Lebina N., *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu*, М., 2015, S. 7.

³² Маслов Д.В. Экономические реформы в современной российской истории как трансформация стереотипов поведения индивидов // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 231.

день и представляют яркую уникальную черту специфики развития рыночной экономики.

Список литературы:

1. *Богданов С.В.* Власть и экономическая преступность в Советской России (1917–1941 гг.) // Историко-экономические исследования. 2012. Т. 13. № 2–3. С. 7–22.
2. *Зарубина Н.Н.* Практика питания россиян в повседневном смеховом дискурсе // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 109–120.
3. *Кондрашин В. В., Сухова О. А.* Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // Новейшая история России. 2019. № 4. С. 979–992.
4. *Косицын А.П., Мулукаев Р.С.* Советская милиция: история и современность. М.: Юрид. лит., 1987.
5. *Крушанова Л.А.* Особенности экономической преступности в Приморском крае в середине 1950–60-х годов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2001. № 2. С. 88–93.
6. *Кудров В.М.* Нужно ли ностальгировать по СССР? // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 73–88.
7. *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: НЛЮ, 2015.
8. *Маслов Д.В.* Экономические реформы в современной российской истории как трансформация стереотипов поведения индивидов // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 221–241.
9. *Федин С.А.* Противодействие правоохранительных органов Нижнего Поволжья преступлениям, вызванным карточной системой и денежной реформой 1947 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 1. С. 103–107.
10. *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год.

Об авторе:

ПОПОВА Анна Дмитриевна – д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, (390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46), e-mail: a.d.popova@mail.ru

ECONOMIC CRIMES IN THE 1950S AS A REFLECTION OF DAILY LIFE IN THE SOVIET UNION

A.D. Popova

Shanghai University of Political Science and Law, Institute of Languages and Culture, Department of Russian Language, *Shanghai, China*

The article treats financial crimes committed in the 1950s as a reflection of the economic crisis experienced by the Soviet economy. The author analyzes documents of the Ministry of Internal Affairs which deal with some cases of embezzlement in a number of Soviet cities and towns. The documents focus on strategies used to unravel embezzlement schemes (official reports, operational reviews). The article maintains that financial crimes committed during the analyzed period were a perfect reflection of the crisis experienced by the Soviet Union. The analysis of historical documents enables the author to single out a number of schemes used to commit financial crimes in the context of command economy: overpricing, violation of technology in order to skimp on raw materials, use of fake invoices to profit through fictitious trading. The article maintains that these financial crimes typical of the Soviet Union exerted considerable influence on Soviet people's mental attitudes by making people believe that embezzlement was a routine undertaking which didn't violate social norms.

Keywords: *economic crimes, command economy, embezzlement, mentality, deficit.*

About the author:

ПОПОВА Анна Дмитриевна – Доктор истории, профессор, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, (), e-mail: a.d.popova@mail.ru

References

- Bogdanov S.V., *Vlast' i e'konomicheskaya prestupnost' v Sovetskoj Rossii (1917–1941 gg.)*, Istoriko-e'konomicheskie issledovaniya, 2012, T. 13, № 2–3, S. 7–22.
- Fedin S.A., *Protivodejstvie pravooxranitel'ny'x organov Nizhnego Povolzh'ya prestupleniyam, vy'zvanny'x kartochnoj sistemoj i denezhnoj reformoj 1947 g.*, Gumanitarny'e i social'no-e'konomicheskie nauki, 2012, № 1, S. 103–107.

- Kondrashin V. V., Suxova O. A., *Kolhoznyaya sistema kak osnovnoj resurs mobilizacionnoj e`konomiki SSSR v 1930-x – 1950-x gg.*, Novejshaya istoriya Rossii, 2019, № 4, S. 979–992.
- Kosicyn A.P., Mulukaev R.S. *Sovetskaya miliciya: istoriya i sovremennost`*. M., Yurid. lit., 1987.
- Krushanova L.A., *Osobennosti e`konomicheskoy prestupnosti v Primorskom krae v seredine 1950–60-x godov* Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya, 2001, № 2, S. 88–93.
- Kudrov V.M., *Nuzhno li nostal`girovat` po SSSR?* Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. 2015, № 5, S. 73–88.
- Lebina N., *Sovetskaya povsednevnost`: normy` i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol`shomu stilyu*. M., NLO, 2015.
- Maslov D.V., *E`konomicheskie reformy` v sovremennoj rossijskoj istorii kak transformaciya stereotipov povedeniya individov* Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki, 2018, № 5, S. 221–241.
- Khanin G.I. E., *E`konomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya*. Novosibirsk, NGTU, 2008, T. 1.
- Zarubina N.N., *Praktika pitaniya rossiyan v povsednevnom smexovom diskurse* Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. 2019, № 4, S. 109–120.

Статья поступила в редакцию 16.03.2020 г.